

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-167-181

Функционирование прагматических маркеров при создании речевой агрессии в драме

Елена Георгиевна Логинова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия

e.loginova-rsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4945-5324>

Аннотация

Представлены результаты анализа прагматических маркеров в текстах драматургических произведений. Материалом исследования послужили пьесы отечественных авторов (А. Чехов, А. Арбузов, Н. Садур), относящиеся к разным направлениям драматургии. Основная задача сводилась к тому, чтобы определить наиболее частотные типы прагматических маркеров, участвующие в вербальной репрезентации агрессии в драме. Исходным было положение о том, что речевая агрессия является элементом поэтики драмы, обуславливает развитие драматического конфликта. Также учитывалось, что прагматически нагруженными оказываются определенные типы лингвистических и паралингвистических единиц в репликах персонажей. Обратившись к списку частотных прагматических маркеров русского языка, разработанному Н. В. Богдановой-Бегларян, мы предприняли попытку выявить типы маркеров при продуцировании речевой агрессии, что предполагало использование количественных и качественных методов. Как показали результаты, прагматические маркеры в драме демонстрируют активность в зависимости от реализуемых функций. Наиболее активны разграничительные и метакоммуникативные прагматические маркеры. В случае речевой агрессии прагматические маркеры реализуют прежде всего функцию усиления. Вместе с тем их использование не частотно в репликах персо-

© Логинова Е. Г., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 167–181

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 167–181

нажей. Представляется, что для более точной оценки вклада прагматических маркеров в создание речевой агрессии в драме необходим расширенный корпус современных драматургических произведений на разных языках. Исследование также имеет перспективу в плане привлечения методов корпусного аннотирования.

Ключевые слова

речевая агрессия, прагматический маркер, корпусное аннотирование, драма, лингвистическая прагматика

Для цитирования

Логинова Е. Г. Функционирование прагматических маркеров при создании речевой агрессии в драме // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 167–181. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-167-181

Pragmatic Markers of Speech Aggression in the Discourse of Drama

Elena G. Loginova

Ryazan State University named for S. Yesenin
Ryazan, Russian Federation

e.loginova-rsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4945-5324>

Abstract

The paper examines the phenomenon of speech aggression in the discourse of drama. Dramatic action, as was stated already in antiquity by Aristotle, is based on the representation of human conflict. Nevertheless, verbal aggression in drama has not been explored in contemporary linguistics. Besides, the investigation of pragmatic parameters and markers is still relevant for artistic discourse, drama in particular. The study aims at identification of markers of speech aggression in the plays written by Russian playwrights: Chekhov's "Uncle Vanya", Arbuzov's "Cruel Games" and Sadur's "Ekhaj". To achieve the aim, firstly, the author analyses the usage of pragmatic markers in the characters' speeches irrespectively of their aggressive behavior. It makes it possible to identify the linguistic units that realize different pragmatic functions in the plays: hesitation, emphatization, metacommunication, discourse structuring, etc. Secondly, the analysis of aggressive remarks is fulfilled. The results show both qualitative differences (the markers used) and quantitative differences (the frequency of their usage) as compared with the data received at the first step of the research. The prospects of the study lie in the pragmatic analysis of plays written by contemporary Russian and foreign playwrights who work in different genres as well as in developing the analysis procedure using corpus annotation tools.

Keywords

speech aggression, pragmatic markers, corpus annotation, the discourse of drama, linguistic pragmatics

For citation

Loginova E. G. Pragmatic Markers of Speech Aggression in the Discourse of Drama. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 1, pp. 167–181. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-167-181

**Введение:
постановка исследовательской задачи**

В рамках теории коммуникации драма, наряду с поэзией и прозой, представляет собой особый вид художественной коммуникативной практики. Техническое различие заключается в том, что драма полностью построена на диалогах персонажей, в которых каждая реплика является «активно и агрессивно воздействующим речевым актом» [Хализев, 1986, с. 42–43].

Проявление агрессии в речи персонажей драмы следует, с одной стороны, отнести к художественной эмоции – экспрессивной форме, которая предполагается драматургом и создается актерами на сцене и которая в отличие от межличностного общения адресована в первую очередь зрителю. В то же время речевая агрессия составляет элемент поэтики драмы, определяющий развитие драматургического конфликта. Разворачивающийся каждый раз именно здесь и сейчас, драматургический конфликт прагматичен, дает ключ к пониманию поведения персонажей и действия в целом. В этом раскрывается перформативная природа драмы [Fisher-Lichte, 1992], ее сценическая правда [Станиславский, 1990].

Несмотря на имеющиеся работы отечественных и зарубежных авторов по драме (см. [Хализев, 1986; Courtney, 1990; Fisher-Lichte, 1992; Elam, 2002] и др.), в том числе работы, посвященные прагматике драмы (см. [Лагутин, 1991; Herman, 1995; Culpeper et al., 2002; Martin et al., 2020] и др.), исследователи ограничиваются изучением драматургических текстов, на основании которых делаются выводы в отношении естественной коммуникации. Без должного внимания остается вопрос специфики функционирования прагматических маркеров в драме как художественном типе дискурса, который предусматривает воздействие на сознание зрителя, углубление эмоциональной рефлексии. Попытка описать прагматику художественного дискурса предполагает принятие естественного общения

за точку отсчета и, таким образом, исследование символической реальности с учетом законов естественного человеческого общения.

В настоящей работе наша задача – определить прагматические маркеры, характерные для создания речевой агрессии в дискурсе драмы. Данная задача решается нами на материале разножанровых пьес отечественных драматургов (традиционная драма, «новая драма», постмодернистская драма). В ходе исследования проверим предположение о том, что прагматические маркеры как единицы, активно реализующие разноплановые функции в повседневном высказывании, будут менее частотны при вербальном выражении агрессии в репликах персонажей драмы как квазиспонтанной речи.

Теоретические основания и ход исследования

Речевая агрессия как предмет лингвистического исследования связана с рассмотрением отношения «знак – интерпретатор» [Morris, 1971], в соответствии с которым происходит выбор знака при организации высказывания. Речевая агрессия трактуется нами широко: как сознательно грубая коммуникация, в ходе которой участники стремятся захватить коммуникативную инициативу или навязать собственный коммуникативный сценарий. В драме это ориентация адресанта на субъектно-объектные отношения, при этом не всегда объект агрессии является непосредственным адресатом.

При рассмотрении речевой агрессии в драме нами учитывались разные типы конфликтного (агрессивного) речевого поведения. За основу мы взяли подход К. Ф. Седова, который рассматривает речевую агрессию с лингвопсихологических позиций, определяя такого рода вербальное поведение как интенциональное коммуникативное действие, направленное на создание негативного эмоционально-психологического состояния адресата [Седов, 2005]. Исследователь выделяет разные типы конфликтного речевого поведения, включая непосредственную и опосредованную речевую агрессию; прямую (явную) и непрямую (косвенную); активную и пассивную.

Непосредственная речевая агрессия предполагает физическое присутствие объекта агрессии как участника коммуникативной ситуации. При опосредованной речевой агрессии объект агрессии не присутствует физически, поэтому такая агрессия может проявляться в виде заглазных осуждений, распространения клеветы, сплетен. В этом случае важной характеристикой прагматического маркера, на наш взгляд, будет указание

на метакоммуникативную деятельность говорящего и, как следствие, на манипулятивную. С когнитивных позиций речь идет о вторжении в когнитивное пространство адресата и навязывание негативного отношения к объекту высказывания.

Прямая (явная) речевая агрессия возникает в случае, когда иллокутивный акт содержит очевидную, открытую враждебность адресанта по отношению к адресату, например оскорбления и угрозы, часто содержащие табуированную лексику. Непрямая (косвенная) речевая агрессия проявляется в случае колкости и насмешки.

Различие между активной и пассивной речевой агрессией заключается в том, что пассивная речевая агрессия проявляется в нежелании адресанта вступать в коммуникацию или продолжать ее.

В исследованиях прагматических маркеров, включая корпусные исследования (см. [Schiffrin, 1987; Баранов и др., 1993; Fraser, 2009; Богданова-Бегларян, 2021; Путина, Сюткина, 2022; Шмелев, 2024] и др.), авторы используют разные термины и предлагают разные перечни функций маркеров.

Большинство исследователей используют термин «дискурсивные маркеры», к которым относят десемантизированные единицы, не участвующие в формировании пропозиционального содержания высказывания. Такие единицы трактуются как прагматические, указывающие на определенные аспекты сообщения и обеспечивающие большую связность дискурса (см., например, работы Б. Фрейзера, А. Д. Шмелева, О. Н. Путиной и Н. П. Сюткиной и др.). Г. Редекер использует термин «дискурсивные операторы» [Redeker, 1991]. В совместной работе А. Н. Баранова, В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной предлагается термин «дискурсивные слова». Такие слова распределяются авторами по группам, объединенным какой-либо идеей (минимизации, обобщения, полноты / неполноты) [Баранов и др., 1993]. Идея агрессивности не выделяется.

На материале корпусных исследований последнего времени сделан вывод о полифункциональности дискурсивных маркеров. В частности, Н. В. Богданова-Бегларян разграничивает дискурсивные и прагматические маркеры и предлагает типологию последних с учетом реализуемых функций. Согласно подходу исследователя, прагматические маркеры в отличие от дискурсивных функционируют как результат прагматикализации, в то время как дискурсивные маркеры используются говорящим осознанно и в письменном, и в устном высказывании [Богданова-Бегларян, 2021].

К основным функциям прагматических маркеров исследователь относит следующие:

- функцию организации формы дискурса, которая реализуется с помощью разграничительных, ритмообразующих и навигационных прагматических маркеров, например, *значит, ну вот*;
- функцию организации собственной речи (хезитативы, рефлексивы, маркеры самокоррекции, например, *эти самые, так скажем*);
- функцию оформления содержательных сторон высказывания (дейктические маркеры и аппроксиматоры, которые часто реализуют также дискурс-структурирующую функцию, например, *вот этот вот, вот как вот*);
- функцию поддержки контакта с собеседником и осмысления сказанного (метакоммуникативные маркеры, например, *понимаешь*).

Поскольку материалом нашего исследования является драма, характерным признаком которой является диалогичность, заслуживает внимания различие в частотности прагматических маркеров для монологической и диалогической речи, обоснованное в работе Н. В. Богдановой-Бегларян. Указывается, что в диалогической речи говорящему нужно постоянно привлекать и удерживать внимание собеседника, поэтому частотны метакоммуникативные прагматические маркеры *знаешь* и *слушай*. Вместе с тем часто в диалоге приходится пересказывать чужую речь, и с этим связана высокая частотность прагматического маркера-ксенопоказателя *говорит* (около 90 % всех употреблений) [Богданова-Бегларян, 2021, с. 158].

Взяв за основу разработанную Н. В. Богдановой-Бегларян типологию прагматических маркеров, мы предприняли попытку посмотреть, будут ли выделенные типы прагматических маркеров релевантными при создании речевой агрессии в дискурсе драмы. Материалом для анализа послужили три пьесы, представляющие разные направления отечественной драматургии: традиционная драма (А. П. Чехов «Дядя Ваня», 1896), «новая драма» с ее живыми бытовыми диалогами (А. Арбузов «Жестокие игры», 1978) и постмодернистская драма (Н. Садур «Ехай», 1984). Также во внимание принимались сюжетная линия произведения, наличие скрытого или явного конфликта в отношениях между персонажами. Это дало нам возможность выявить языковые единицы, в которых выражено враждебное, агрессивное отношение адресанта к обозначаемому, адресату или самому себе. Общий объем проанализированного материала – 32 805 слов.

На первом этапе анализа была установлена активность разных типов прагматических маркеров в указанных выше драматургических текстах безотносительно к тому, выражена речевая агрессия или нет. Посредством

ручного аннотирования прагматических маркеров и последующей статистической обработки полученных данных было выявлено, что в исследуемом материале наибольшую активность проявили разграничительные прагматические маркеры. К ним относятся «стартовые», «направляющие» («навигационные», помогающие говорящему «двигать» речь вперед) и «финальные» разграничительные прагматические маркеры (*значит, ну вот, думал, думаю*), функциональная направленность которых – помогать говорящему структурировать высказывание.

В качестве примеров приведем реплики персонажей пьесы А. Арбузова «Жестокие игры»:

Неля (подошла к спящей Лесе). *Ну вот*, разбежались твои родители кто куда – забыли, что день рождения завтра у Леськи <...>¹

Девушка (после долгого молчания). *Значит*, ты никого не любишь? <...>

Маша. *Думаю*, через месяц. У нас нефть пошла.

Представляется целесообразным отнести к разграничительным прагматическим маркерам маркеры направления хода мысли. В рассматриваемом материале это прежде всего показатели направления мысли «в сторону»: *кстати, между прочим, впрочем*. Иллюстрацией служат следующие реплики:

Машинист. Обманывать нехорошо, нас в школе учили. А у них дети, *между прочим!* <...>. (Н. Садур «Ехай»)

Кай. Эй! *Кстати...* (Достает картонную коробку, открывает крышку, вынимает оттуда потрепанную куклу.) Из последних находок <...> (А. Арбузов «Жестокие игры»)

В анализируемом материале нами также отмечена активность метакommunikативных прагматических маркеров (*понимаешь, видишь*), которые помогают говорящему осмыслять сказанное, привлекать внимание адресата к высказыванию, настраивать на правильное восприятие информации:

Войницкий. <...> О, *понимаешь...* (судорожно жмет Астрову руку) *понимаешь*, если бы можно было прожить остаток жизни как-нибудь по-новому <...>. (А. Чехов «Дядя Ваня»)

Машинист. Я живу на зарплату, *да?* Платят нам, *сам понимаешь...* хватает <...>. (Н. Садур «Ехай»)

¹ Выделение прагматических маркеров в примерах курсивом наше. – Е. Л.

Помимо метакоммуникативного прагматического маркера *понимаешь* в последнем примере используется прагматический маркер *да*, обладающий широкой семантикой. В словаре Н. В. Богдановой-Бегларян подчеркивается, что слово *да* характерно для диалогической речи: имеет высокий третий ранг по сравнению с седьмым рангом в монологической речи [Богданова-Бегларян, 2021, с. 160].

Достаточно высокую активность в исследуемом корпусе проявили маркеры-рефлексивы (*так скажем*), аппроксиматоры (*как бы, вроде*), ксенопоказатели (*говорит*). Приведем примеры:

Никита. *Скажем*, прошло пять лет, и она на водном стадионе сидит... а я в это время мировой рекорд бью.

Мишка. <...>. А жизнь внимательности требует. Отчета, *так скажем*.

Астров (будирюя). <...> Утром было пасмурно, *словно как бы* на дождь, а теперь солнце. (А. Чехов «Дядя Ваня»)

Константинов. (Помолчав.) Я вот гляжу – *вроде* темнеть стали волосы у тебя. <...>

Девиза. Мне уже двадцать один год, а я не была в Дагестане. *Говорят*, там такие монастыри! (А. Арбузов «Жестокие игры»)

В количественном отношении собранный корпус примеров распределен следующим образом: наибольший показатель частотности у прагматических маркеров, реализующих функцию организации формы дискурса (58 %); ниже по частотности маркеры, выполняющие функцию осмысления сказанного, установления и поддержания контакта (17 %); далее идут маркеры, служащие для организации собственной речи и оформления содержательных сторон высказывания (14 и 11 % соответственно). Отдельно отметим усилительную функцию прагматических маркеров (придание выразительности высказыванию, усиление синтагматического членения), которая реализуется параллельно с дискурсивной функцией.

На следующем этапе исследования нами была проанализирована выборка реплик, в которых выражено негативное, агрессивное отношение субъекта речи к обозначаемому, адресату или самому себе. В пьесе Н. Садур «Ехай», построенной как диалог Машиниста и Мужика, который лег на рельсы под приближающийся поезд, объектом анализа стали адресованные друг другу реплики главных персонажей. В пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» основной источник речевой агрессии – реплики Войничкого, адресованные Серебрякову или сказанные в адрес Серебрякова. В пьесе А. Арбузова «Жестокие игры» большая часть отобранного материала –

внутренне агрессивные (часто по отношению к себе) реплики главных персонажей, а также открыто выраженная агрессия в репликах Нели и Никиты, Терентия и его отца и других персонажей.

Критерием отнесенности реплик к случаям речевой агрессии послужило наличие в них определенных типов лингвистических и паралингвистических единиц: экспрессивно-окрашенная лексика; сниженная лексика; инвективы; интенсификаторы; языковые единицы, имплицитно выражающие враждебное отношение; конструкции экспрессивного синтаксиса; фонографические и графические приемы; пунктуационные знаки, выполняющие интонационно-экспрессивную функцию. Например, комбинация восклицательного и вопросительного знаков, многоточие:

Неля. Они мне все зачеркнули. (*Вскрикнула.*) Все! Понял?! <...>

Никита (ожесточенно). Уйди с глаз!.. (А. Арбузов «Жестокие игры»)

Учитывались также лингвистические единицы, приобретающие значение агрессивности в контексте, и метатекстовые средства (авторские ремарки), указывающие на проявление речевой агрессии. Более подробно типы лингвистических и паралингвистических единиц, выражающих агрессию, рассматривались нами в [Логинова, 2024]. Наличие таких единиц, на наш взгляд, может служить фактором снижения активности прагматических маркеров в драме.

В ходе анализа было выявлено использование разграничительных (преимущественно, финальных и стартовых) прагматических маркеров *смотри, слышишь, слушай, вот, в общем, (и) всё*; метакоммуникативных маркеров *видишь (ли), да*; прагматических маркеров, реализующих эмфатическую функцию и усиливающих признак существительного, к которому относятся. Наиболее часто эту функцию выполняет прагматический маркер *то*, а также *да* и *(а) ну* в начале фразы. Зафиксированы отдельные случаи использования аппроксиматоров и ксенопоказателей, а также маркеров энантиосемии. Приведем примеры.

- Стартовый разграничительный прагматический маркер:

Любася. *Ну вот*, так и знала – здесь ты! (А. Арбузов «Жестокие игры»)

Войницкий. *Вот это самое*. Ты продашь имение, превосходно, богатая идея <...> (А. П. Чехов «Дядя Ваня»)

- Финальный разграничительный прагматический маркер:

Неля. Будет шутить – *вот что* <...> Перечеркнули юность, *в общем*. <...> Так что вы помалкивайте – *и все*. (А. Арбузов «Жестокие игры»)

- Маркер-аппроксиматор:

Машинист. Мне наплевать. Мне благодарности не надо. Я знать хочу, может каждый, каждая букашка, тем более уголовная, *вот так вот* взять и поезд остановить... (Н. Садур «Ехай»)

- Маркер-ксенопоказатель, который вводит речь объекта агрессии:

Терентий. <...> Ты когда узнавать о ней решился? Приснилась она ему, *видишь ли...* (А. Арбузов «Жестокие игры»)

Мужик. Баба жирная, сидит. Не дам, *говорит*, самой надо. (Н. Садур «Ехай»)

- Метакоммуникативный прагматический маркер, который одновременно призван привлекать на свою сторону, вызывать верную интерпретацию услышанного, что важно в случае опосредованной речевой агрессии:

Войницкий. Отставной профессор, *понимаешь ли*, старый сухарь, ученая вобла <...> (А. П. Чехов «Дядя Ваня»).

- Усилительный маркер, приобретающий экспрессивно-оценочное значение:

Машинист. *Да* совесть-то у тебя есть в конце концов! <...> *Да* ты сам орешь! Я-то как раз спокойно говорю!

Машинист. *Во* бандюга. <...> (Н. Садур «Ехай»)

Неля. (Очень резко.) *А ну* давай – вали отсюда! <...>

Никита (вдруг в ярости). *А ну* кончай ваньку валять. Говори, как назвала. (А. Арбузов «Жестокие игры»)

- Маркер энантиосемии:

Любася. Совсем опустился; мама в отпаде, страдает безумно, а ты тут примостился, пьяный, ну конечно! *Хорош* братец... <...>

Кай. И *молодец* же ты, Никита. Одно удовольствие полюбоваться. (А. Арбузов «Жестокие игры»)

В целом из списка наиболее частотных прагматических маркеров устной речи, собранного в словаре Н. В. Богдановой-Бегларян, при продуцировании речевой агрессии в анализируемых драматургических произведениях были задействованы девять: *в общем, видишь, вот, говорит, да, всё, слушай, слышишь, смотри*. Этот перечень мы дополнили прагматическими

маркерами (а) ну, во, точно, конечно, блин, же, то (например, я-то, ты-то).

В количественном отношении реплики, включающие какой-либо прагматический маркер в случаях речевой агрессии, составляют менее 20 % от общего количества реплик с прагматическими маркерами.

Как было отмечено выше, низкую активность прагматических маркеров при выражении агрессии в речи персонажей драмы можно объяснить наличием определенных типов лингвистических и паралингвистических единиц, несущих эмфатическую нагрузку. Еще одно объяснение связано с тем, что в повседневной речи прагматический маркер функционирует как эмоционально нагруженный изобразительный инструмент, который вбирает в себя и объективирует все характеристики коммуникативной ситуации и ее участников. Использование прагматических маркеров в речи – это возможность упорядочить высказывание, в то время как агрессия предполагает, как правило, эмоциональное, часто внезапное, невольное выражение отношения, особенно в случае непосредственной, прямой агрессии.

Отчасти низкая активность прагматических маркеров объясняется сценичностью пьесы, предполагающей обращение к выразительным возможностям зрительного (жест, мимика, поза), слухового (интонационное оформление высказывания, громкость произнесения и пр.) и других модулей как способов выражения и передачи смыслов в ходе сценической коммуникации.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в рассматриваемых пьесах, представляющих разные направления отечественной драматургии, речевая агрессия многопланова по своим проявлениям. Это обусловлено интенциональной направленностью данного типа художественного дискурса – воздействие на сознание и эмоции зрителя, формирование чувства эстетического сопереживания, углубление эмоциональной рефлексии и провоцирование эмпатического отклика.

Прагматический маркер как десемантизированная и синтаксически отделяемая от основного высказывания единица не продемонстрировал высокой активности при создании речевой агрессии в драме. Воспользовавшись понятием «прагматическая обязательность», предложенным А. Д. Шмелевым [2024], можем сказать, что само наличие прагматического маркера не является прагматически обязательным в случае речевой агрессии.

При этом выявленные прагматические маркеры, безусловно, могут усиливать негативную тональность высказывания, категоричность и враждебность.

Репрезентация речевой агрессии в драматургическом тексте предусматривает лингвистические, паралингвистические и, часто, метатекстовые единицы, в совокупности обуславливающие семиотическую гетерогенность драматургического высказывания. Эти единицы детерминированы параметрами коммуникативной ситуации, отражают позицию говорящего, то, как он оценивает, интерпретирует и представляет адресату информацию. В драматургическом тексте им отводится особая роль «приращения» дополнительных смыслов и эмоциональности. Если рассматривать прагматические маркеры в таком расширенном значении, не только как результат прагматикализации, то наличие маркера является прагматически обязательным, но выбор конкретного маркера остается в определенной степени произвольным.

Полученные данные могут быть уточнены на более значительном в количественном отношении материале, включающем драматургические произведения не только отечественных, но и зарубежных авторов. Также в качестве перспективы видится использование комплексной методологии исследования, включающей корпусное аннотирование, количественный и качественный анализ результатов с учетом активности разноуровневых прагматических параметров, различий между эксплицитно выраженной и имплицитно подразумеваемой агрессией, что позволит установить сходства и различия в активности параметров в разножанровых произведениях, а также в произведениях отечественных и зарубежных драматургов.

Список литературы

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 205 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Лагутин В. И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы). Кишинев: Штиинца, 1991. 97 с.

Логинова Е. Г. Речевая агрессия персонажей драматургического произведения в аспекте лингвопрагматики // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 73–79.

Путина О. Н., Сюткина Н. П. Дискурсивные маркеры как интенсификаторы вербальной агрессии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 120–129.

Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. Вып. 6. С. 87–103.

Станиславский К. С. Собр. соч.: В 9 т. М.: Искусство, 1990. Т. 3: Работа актера над собой. Ч. 2: Работа над собой в творческом процессе воплощения. 508 с.

Хализев В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М.: Изд-во МГУ, 1986. 261 с.

Шмелев А. Д. Прагматикализация в разговорной речи // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 3 (41). С. 374–388.

Courtney R. Drama and Intelligence: A Cognitive Theory. Montreal & Kingston, London, Buffalo: McGill-Queen's Uni. Press, 1990. 190 p.

Culpeper J., Stuart M., Verdonk P. (eds.). Exploring the Language of Drama. From Text to Context. 3rd ed. London, Routledge, 2002. 192 p.

Elam K. The Semiotics of Theatre and Drama. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2002. 272 p.

Fisher-Lichte E. The Semiotics of Theatre. 2nd ed. / Trans. in English by Jeremy Gaines, Doris L. Jones. Bloomington: Indiana Uni. Press, 1992. 336 p.

Fraser B. An Account of Discourse Markers // International Review of Pragmatics. 2009. Iss. 1. P. 293–320.

Herman V. Dramatic Discourse: Dialogue as interaction in plays. London: Routledge, 1995. 340 p.

Martin G. et al. (eds.). Pragmatic Approach to Drama. Studies in Communication on the Ancient Stage. Leiden, Boston: Brill, 2020. 512 p.

Morris Ch. Writings on the general theory of signs. The Hague, Paris: Mouton de Gruyter, 1971. 486 p.

Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // Journal of Linguistics, 1991. Vol. 29, no. 6. P. 1139–1172.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1987. 364 p.

References

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka [Guide to discursive words of the Russian language]. Moscow, Pomovsky i partnery, 1993, 205 p. (in Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. Pragmaticheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: Slovar'-monografiya [Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2021, 520 p. (in Russ.)

Courtney R. Drama and Intelligence: A Cognitive Theory. Montreal & Kingston, London, Buffalo, McGill-Queen's Uni. Press, 1990, 190 p.

Culpeper J., Stuart M., Verdonk P. (eds.). Exploring the Language of Drama. From Text to Context. 3rd ed. London, Routledge, 2002, 192 p.

Elam K. The Semiotics of Theatre and Drama. 2nd ed. London, New York, Routledge, 2002, 272 p.

Fisher-Lichte E. The Semiotics of Theatre. 2nd ed. Trans. in English by Jeremy Gaines, Doris L. Jones. Bloomington, Indiana Uni. Press, 1992, 336 p.

Fraser B. An Account of Discourse Markers. *International Review of Pragmatics*, 2009, no. 1, pp. 293–320.

Halizev V. E. Drama kak rod literatury (poetika, genezis, funktsionirovanie) [Drama as a kind of literature (poetics, genesis, functioning)]. Moscow, MSU Press, 1986, 261 p. (in Russ.)

Herman V. Dramatic Discourse: Dialogue as interaction in plays. London, Routledge, 1995, 340 p. (in Russ.)

Lagutin V. I. Problemy analiza khudozhestvennogo dialoga (k pragmalingvisticheskoi teorii dramy) [Problems of the analysis of artistic dialogue (towards a pragmalinguistic theory of drama)]. Kishinev, Shtiinca Publ., 1991, 97 p. (in Russ.)

Loginova E. G. Rechevaya agressiya personazhei dramaturgicheskogo proizvedeniya v aspekte lingvopragmatiki [Verbal aggression in the discourse of drama from the standpoint of linguistic pragmatics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2024, no. 9 (890), pp. 73–79. (in Russ.)

Martin G. et al. (eds.). Pragmatic Approach to Drama. Studies in Communication on the Ancient Stage. Leiden, Boston, Brill, 2020, 512 p.

Morris Ch. Writings on the general theory of signs. The Hague, Paris, Mouton de Gruyter, 1971, 486 p.

Putina O. N., Syutkina N. P. Diskursivnye markery kak intensivatory verbal'noy agressii [Discourse markers as intensifiers of verbal aggression]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2022, no. 8 (4), pp. 120–129. (in Russ.)

Redeker G. Linguistic markers of discourse structure. *Journal of Linguistics*, 1991, vol. 29, no. 6, pp. 1139–1172.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1987, 364 p.

Sedov K. F. Agressiya i manipulyatsiya v povsednevnoi kommunikatsii [Aggression and manipulation in everyday communication]. *Yurislingvistika*, 2005, no. 6, pp. 87–103. (in Russ.)

Shmelev A. D. Pragmatikalizatsiya v razgovornoj rechi [Pragmaticalization in everyday speech]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2024, no. 3 (41), pp. 374–388. (in Russ.)

Stanislavsky K. S. *Sobranie sochinenii* [Collected works] In 9 vols. Moscow, Iskusstvo, 1990, vol. 3, pt. 2, 508 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Георгиевна Логинова, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57204415688

WoS Researcher ID T-7842-2018

SPIN 2353-1695

Information about the Author

Elena G. Loginova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57204415688

WoS Researcher ID T-7842-2018

SPIN 2353-1695

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;

одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 10.03.2025

The article was submitted on 01.02.2025;

approved after reviewing on 10.03.2025; accepted for publication on 10.03.2025